

Василий Головачёв

ЗАПОВЕДНИК СМЕРТИ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г61

Миры Василия Головачёва

Головачёв, В.В.

Г61 Заповедник смерти / В.В. Головачёв — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 270 с.

ISBN 978-5-517-00061-3

Как далеко простираются границы Вселенной? Одиноки ли мы в просторах Космоса и когда произойдет первый контакт? Возможны ли путешествия во времени и между параллельными мирами? Где предел человеческим возможностям? Все эти проблемы чрезвычайно актуальны сейчас, в начале третьего тысячелетия. Василий Головачев имеет собственные взгляды на будущее человеческой цивилизации и на устройство мироздания и убедительно отстаивает их в своих произведениях.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-00061-3

© Василий Головачёв, 1991
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019

ФАКТЫ МИНУВШЕГО ДНЯ ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

В понедельник тринадцатого августа в десять часов утра в Шочипилье, по улице Уанкавелика, огибающей президентский дворец с тыла, двигался длинный белый автомобиль — «Линкольн» выпуска восемьдесят седьмого года.

За рулем машины сидел плотный крупнолицый человек в строгом сером костюме сотрудника комиссариата внутренних дел. Он то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида и, казалось, решал какую-то задачу.

Наконец он принял решение, остановил машину и хотел выйти, но сомнения вдруг охватили его с новой силой, заставив около двух минут взвешивать цель приезда.

Полицейские в белых касках, охранявшие второй вход на территорию дворца, переглянулись. Один из них положил руку на приклад карабина и медленно направился к машине. Дальнейшее произошло в течение минуты.

Из-за поворота Уанкавелики к площади Оружия вынеслись две автомашины: черный «Мерседес» и серый «Шевроле», в несколько секунд преодолели расстояние до «Линкольна». Раздались пистолетные выстрелы и автоматные очереди. Водитель «Линкольна» открыл стрельбу раньше, ухитрился убить водителя «Мерседеса» и пробить переднее колесо «Шевроле». Обе машины столкнулись, и хотя сидевшие в них люди были профессионалами и продолжали стрелять, все же заминка позволила владельцу «Линкольна» объехать место аварии и устремиться прочь. Его машина была буквально изрешечена пулями, но сам он казался заговоренным. В то же мгновение навстречу из-за поворота ограды дворца вывернули еще два автомобиля, такие же, что и первые, сцепившиеся бортами. Автоматные очереди залаяли с новой силой.

«Линкольн» резко вильнул вправо и врезался в чугунную узорчатую ограду резиденции Отца страны. Удар. Фейерверк осколков лобового стекла. Водитель невероятным кульбитом перелетел через острые наконечники вертикальных прутьев ограды, но остался

цел и невредим. Приземлившись на ноги, как заправский гимнаст, господин в сером бросился бежать по газонам дворца с такой быстротой, какую не показывают даже спринтеры на соревнованиях, но автоматный огонь был слишком плотен — сидящие во всех четырех машинах стреляли из автоматов «узи», грохот стоял, как во время настоящего сражения, — и водитель «Линкольна» успел пробежать всего шагов двадцать (каждый — в три-четыре метра!). Пули нашли его, вонзились в спину, а он продолжал бежать, только медленнее, метров через десять остановился, покачиваясь, повернулся, поднял руку вверх — пули продолжали рвать его тело — и упал...

Только после этого охранники дворца опомнились. Сержант в будке включил сирену, а его напарник выстрелил вверх, заорав:

— Бросайте оружие!

Компания преследователей расселась по машинам с ошеломляющей быстротой, не обращая внимания на полицейских, взревели моторы, два «Шевроле» и «Мерседес» исчезли, осталась поврежденная машина с лопнувшим скатом, без номерных знаков.

Стрелявший полицейский, открыв рот, смотрел на нее во все глаза, не веря, что остался жив. Сержант включил сирену, выскочил из будки.

— Снова террористы прикончили жертву. Нашли место. Ты видел, как он бежал?

Полицейский прокашлялся, вспомнил о карабине и закинул его за спину.

— Дураки проклятые! Зря тревогу дал, капитан по головке не погладит. Пошли посмотрим, кого они там пришили.

Сержант открыл проход в ограде, и они рысцой направились к убитому.

Человек в сером костюме, ставшем на груди бурым от крови, лежал на спине и... был еще жив! Его глаза остановились на попятившихся полицейских, губы искривились в усилии выговорить слово.

— Передайте... они... — сказал он тихо, но четко. — Передайте... они эксперименти...

Пуля ударила его прямо в висок и откинула голову влево. Он замолк.

Полицейские, не услышав выстрела — стреляли из винтовки с оптическим прицелом и стрелок был далеко, — схватились за карабины, попятились еще дальше, озираясь по сторонам. К ним подбежал командир поднятого по тревоге взвода охраны.

— Что случилось, Хуан?

— Не видишь? — грубо ответил сержант, первым опустив карабин, и мрачно повернулся к товарищу. — Это конец, мой дорогой Тики. Ну и подстраховочка у них, чувствуешь, а? Уж не профи ли это работа?

— Кто это? — Командир взвода кивнул на убитого, в то время как его люди цепью шли к ограде. — Ну и наделали дырок! Дуршлаг, а не... — Полицейский нагнулся и присвистнул. — Ну и ну! Да это же... это же Пино!

Перед ними лежал комиссар полиции Шочипильи Альберто Тауро дель Пино.

ПАРАКАС, ШОЧИПИЛЬЯ

Четырнадцатого августа посадка на вечерний рейс «Боинга-747» компании «Эйр Паракас», обслуживающей международную авиалинию Шочипилья — Лима, проходила в атмосфере деловой суматохи: пассажиры искали места, рассаживались, начинали знакомиться, кто-то уже требовал стюардессу, пилоты осматривали салоны громадного трехсотпятидесятиместного лайнера, двенадцать стюардесс в коротких юбочках «писко» с блистательными профессиональными улыбками помогали пассажирам устраиваться на местах.

В салоне первого класса в носу самолета было тише, чем в других салонах, публика здесь подобралась солидная: торговые агенты, адвокаты, юристы, представители фирм и компаний, банковские служащие; все они давно прошли школу авиапассажира и чувствовали себя свободно и раскованно. И лишь один пассажир, худой, чернобородый, одетый в белый европейский костюм, был напряжен и возбужден, хотя и скрывал это от всех. Он сидел во втором ряду у прохода и, делая вид, что смотрит в иллюминатор, наблюдал за входом в салон.

Стюардесса ввела новых пассажиров, по виду — янки, или, как их называли в Паракасе, гринго. Оба загорелые, дюжие, в полотняных костюмах «туна» местного производства, увешанные фотоаппаратурой. Черноволосый американец жевал резинку, его напарник, похожий на него неподвижным, сонным лицом, но посветлей, сдвинул на лоб широкополый соломенный «стетсон» со шнурками. Оба шутили с борт-

проводницей, однако глаза их оставались холодными и внимательными.

Американец в шляпе скользнул по салону равнодушным взглядом, мгновение смотрел на уткнувшегося в журнал чернобородого и молча прошел на свое место в пятом ряду возле прохода. Его спутник поблагодарил стюардессу и, что-то сказав со смехом товарищу, заснял на пленку ноги уходящей девушки. Сел он, однако, на другой стороне прохода, напротив запасного люка.

Посадка заканчивалась, стюардессы начали обход палубы, пилоты принялись заdraивать люки, и в этот момент чернобородый вдруг отбросил журнал и рванулся по проходу вон из салона. Тем не менее его внезапный бросок не оказался неожиданным для «фотолюбителей».

Оба вскочили почти одновременно, мгновенно вытащив из сумок и баулов пистолеты бесшумного боя. Чернобородый сделал акробатический прыжок, распластался в воздухе над головами молодых людей, никто не заметил удара, но пистолеты вылетели из рук. Взвизгнули дамы.

Чернобородый упал, как кошка, на ноги, тут же развернулся и наградил преследователей ударами, от которых оба грохнулись на пассажиров по обе стороны прохода. Но из-за двери в салон вышли еще двое крепких парней с пистолетами, и чернобородый сделал то, чего от него никто не ожидал, кроме тех, кто за ним охотился. Он прыгнул к борту самолета там, где стояли столики для настольных игр, и двумя ударами рук... проломил стенку борта! В салоне наступила изумлен-

ная тишина, вытянув шеи, пассажиры смотрели на невероятную картину. Лишь вооруженные пистолетами молодчики не были ошеломлены и, вероятно, учитывали возможности своего подопечного. Они открыли огонь в тот момент, когда чернобородый ударом ноги пробил в борту брешь, достаточную для того, чтобы в нее пролезть. Но и после того, как в беглеца впились пули из двух пистолетов, он упал не сразу, успев пролезть в дыру. Упал он уже наружу.

Четверо молодых людей: американцы-«фотолюбители» и прибывшие позже — исчезли из салона, прежде чем в дело вмешались вооруженные летчики и агенты безопасности. Беспрепятственно выпрыгнув из самолета, они расселись по машинам, ожидавшим их неподалеку, и растворились в ночи.

Убитый в белом костюме остался лежать в полусотне метров от шасси самолета. Как он туда дополз с дюжиной пуль в спине, никто сказать не мог. Из отъезжающей последней автомашины хлопнул негромкий выстрел — контрольный, как говорят военные. Пуля попала чернобородому в голову: убийцы были аккуратны и дело свое знали.

ПАРАКАС, ПИКАЛЬ

— Душно здесь, — сказал Хонтехос, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки.

Его собеседник внимательно посмотрел на профессора: в кабинете было прохладно, на улице стояла

прекрасная погода — плюс двенадцать градусов — еще не весна, но уже и не зима, и в открытое окно в кабинет проникал живительный аромат свежего воздуха. Говорили, что известный ученый-параканист Карлос Хонтехос, один из исследователей долины Аймара в Паракасе, заблудился в сельве и проплутал три недели, но капитан полиции Пикаля Доминго Эрнандес слухам не верил по должности. «Интересно, — подумал он, — с чем заявился в полицию профессор? Не для того же, чтобы сказать банальность?»

— Вы правы, — кивнул Хонтехос, — не для того.

Эрнандес изобразил удивление; впрочем, он и в самом деле был удивлен, хотя в телепатию не верил, опять же — по должности.

— И правильно делаете, — снова кивнул Хонтехос. В глазах его сквозь туман тоски мигнули веселые огоньки. — Телепатии не существует. Пока. Хотя эта возможность заложена в человеке. Но я не об этом. До вас дошли слухи, что я много дней бродил в сельве. Вы не поверили и правильно сделали, я не заблудился: меня похитили. С какой целью — долго объяснять, у меня нет времени, за мной охотятся, потому что я ушел от них и теперь являюсь свидетелем. Я понятно выражаюсь?

Эрнандес не сказал ни да, ни нет. Он был флегматиком по натуре, унаследовав не только характер матери, принадлежавшей к племени кечуа, но и способность отца-испанца к логическим построениям. Капитаном полиции Пикаля он стал благодаря именно своим математическим способностям, ровному отношению к товарищам и философскому складу ума. Индейцев —